

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 1. С. 55–75.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 1. P. 55–75.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-55-75

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ: ФЕДОР СТЕПУН О НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМЕ

Нина Анатольевна Дмитриева

Академия Кантиана,
Балтийский федеральный университет
имена И. Канта, г. Калининград, Россия;
Московский педагогический
государственный университет,
Москва, Россия, ndmitrieva@kantiana.ru,
na.dmitrieva@mpgu.su,
<https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Юрген Штольценберг

Галле-Виттенбергский университет
имени Мартина Лютера, Галле (Зале), Германия,
juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de,
<https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

Автор, ответственный за переписку: Нина Анатольевна Дмитриева

Аннотация. В богатом творческом наследии русского неокантианца и русского европейца Ф. А. Степуна практически нет лакун благодаря интенсивным исследованиям Владимира Карловича Кантора, чей юбилей мы отмечаем в 2025 году. Обнаруженный нами текст Степуна «Забытые истины. (О нации и национализме)» (1925) посвящен остроактуальным проблемам нации и национализма в русской культурно-политической и религиозной жизни. Этот текст встраивается нами в общий контекст размышлений Степуна о национальном чувстве, национальном сознании, условиях формирования и существования нации и особенно о деформациях, которые может претерпевать национальное чувство, трансформируясь в различные формы национализма, для Степуна категорически не приемлемого явления. Установлено, что понятие нации у Степуна выражает культурное, религиозное и языковое единство некой общности людей, объединенных той или иной идеей. Показано, что в основе позитивно определенного национального чувства находится любовь «я» к «ты». Кроме того, восстановлен идейно-исторический контекст, в котором происходило оформление позиции Степуна по проблеме национализма. Показана роль В. К. Кантора в возвращении и актуализации интеллектуального наследия Степуна.

Ключевые слова: Федор Степун, Владимир Кантор, русский европеец, нация, национализм, национальное чувство, русская эмиграция

Благодарности. Исследование Н. А. Дмитриевой выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

Ссылка для цитирования: Дмитриева Н. А., Штольценберг Ю. Русский европеец: Федор Степун о нации и национализме // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 1. С. 55–75.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-55-75.

On the 80th Anniversary of Vladimir Karlovich Kantor

RUSSIAN EUROPEAN:
FEDOR STEPUN ON NATION AND NATIONALISM

Nina A. Dmitrieva

Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic
Federal University, Kaliningrad, Russia;
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
ndmitrieva@kantiana.ru, na.dmitrieva@mpgu.su,
<https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Jürgen Stolzenberg

Martin Luther University Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany,
juergen.stolzenberg@phil.uni-halle.de,
<https://orcid.org/0000-0002-6569-2963>

Corresponding author: Nina A. Dmitrieva

Abstract. The rich intellectual heritage of the Russian neo-Kantian and Russian European Fedor Stepun has hardly any lacunas thanks to the intensive research of Vladimir K. Kantor. The 1925 text “Forgotten truths. (On Nation and Nationalism)” by Stepun that we have discovered is devoted to the acutely topical problems of nation and nationalism in Russian cultural, political and religious life. We place this text in the general context of Stepun’s reflections on national feeling, national consciousness, the conditions of formation and existence of the nation, and especially on the deformations that national feeling can undergo, transforming into various forms of nationalism, a phenomenon categorically unacceptable to Stepun. We found that Stepun’s concept of nation expresses cultural, religious and language unity of a certain community of people united by one or another idea. We show that the basis of positively defined national feeling is the love of ‘I’ to ‘you.’ In addition, the ideological and historical context in which Stepun’s position on the problem of nationalism was formed is restored. We show the role of Vladimir Kantor in the research of Stepun’s heritage.

Keywords: Fyodor Stepun, Vladimir Kantor, Russian European, nation, nationalism, national feeling, Russian emigration

Acknowledgments. The research of Nina A. Dmitrieva was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00651 “Ontology of the nation in Russian neo-Kantianism,” <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

For citation: Dmitrieva, N. A., Stolzenberg, J. (2025) “Russian European: Fedor Stepun on Nation and Nationalism,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(1), pp. 55–75. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-1-55-75.

На заре нового тысячелетия среди множества ярких интеллектуальных событий одно запомнилось особенно ясным и чистым звучанием: появление книги Владимира Карловича Кантора о русском европейце [Кантор, 2001]. В российский интеллектуальный обиход триумфально вернулось понятие, введенное А. И. Герценом [Герцен, 1956, с. 101, 231] и содержательно переосмысленное Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым [Кантор, 2001, с. 5–6, 11]. Вместе с этим понятием вернулось в Россию почти забытое к тому времени имя: Федор Августович Степун (1884–1965). Родившийся и выросший в Москве в немецкой семье потомственных почетных граждан России, Степун всей своей жизнью и всем своим творчеством как бы «снял» обозначенную Герценом антитезу между «московским панславизмом» и «русским европеизмом». Согласно характеристике, данной учеником Степуна Хайнрихом А. Штаммлером¹, — ее приводит В. К. Кантор в своем предисловии к первому² наиболее полному сборнику [Степун, 2000], объединившему работы Степуна как дореволюционного, так и межвоенного и послевоенного периода, — «по всему своему существу он был... олицетворением того не очень распространенного человеческого типа, который называется русским европейцем — определение, в котором прилагательное столь же важно, как и существительное» [Штаммлер, 2017, с. 740].

Выпускник *немецкого* (Гейдельбергского) университета, одного из оплотов модного и влиятельного неокантианства, Степун в 1910 году успешно защитил в том же университете у неокантианского сcholарха Вильгельма Виндельбанда диссертацию о *русском* философе В. С. Соловьеве [Дмитриева, 2007, с. 152, 157]. И впредь «он писал прежде всего о России, хотя *немецкий* опыт был также его постоянной проблемой, более того, *грундф*оном его *русских* размышлений»

¹ О том, что Хайнрих А. Штаммлер (1912–2006), профессор славистики Канзасского университета, и Андрей Штаммлер, автор «Федор Августович Степун. In memoriam» в «Новом журнале» (1966, № 82), — одно лицо, см. в рецензии Г. П. Струве: [Struve, 1973, p. 209].

² На год раньше вышел сборник [Степун, 1999], в который А. А. Ермичевым были включены только работы, написанные и опубликованные после 1922 года, — года высылки Степуна из Советской России.

[Кантор, 2000, с. 4]. В этом и заключаются две тематические особенности его творчества: «самоанализ национальной специфики» в сопряжении с осмыслением «общеевропейского контекста» [Кантор, 2000, с. 8]. Доминанта первой у Степуна очевидна — это альфа и омега всех его работ, включая автобиографические. В одной из ранних своих статей Степун указывает, что эта тема — «специфически романтическая», то есть восходит к рефлексиям немецких романтиков об «особой задаче и особом назначении каждой национальности» и о «народе как сокровенном источнике национального творчества» [Степун, 2000e, с. 38]. И в дальнейших своих работах Степун неизменно касается или хотя бы оказывается вблизи этой темы. Но что же он понимает под «нацией», «национальным» и «национальностью»?

Ответить на этот вопрос непросто, потому что размышления Степуна об этих понятиях рассредоточены по различным работам, посвященным хотя и близким темам, но не касающимся этого вопроса напрямую. До сих пор во всех современных сборниках его сочинений присутствует только одна небольшая поздняя статья, в названии которой заявлены интересующие нас понятия: «Нация и национализм». Впервые она была опубликована в «Вестнике РСХД» в 1965 году, в год смерти ее автора [Степун, 2000d]. В ней Степун сейсмографирует тенденции, которые наметились в русском зарубежье в первой половине 1960-х годов в ландшафте Европы, протрезвевшей в катастрофе Второй мировой войны («озлобленное отрицание национального начала», вменение «национальным чувствам» ответственности за развязывание Первой и Второй мировых войн [Степун, 2000d, с. 941]), и которые можно выразить в отношении русской эмиграции одним емким словом: «денационализация» [Степун, 2000d, с. 941]. А также он дает определения, необходимые, но, правда, не всегда исчерпывающие для раскрытия его позиции в отношении этого «гнезда» понятий. Поэтому для реконструкции их содержания мы будем обращаться и к другим сочинениям русского мыслителя.

В статье 1965 года Степун определяет нацию как «своеобразно-соборный облик многоликой человеческой культуры»³. Чтобы разобраться, что он вкладывает в это определение, обратимся к «Очерку X» из цикла «Мысли о России», вышедшего в «Современных записках» в 1928 году. В нем Степун дает определение культуре и нации и показывает их взаимосвязь. Культурой он называет «творческое запечатление религиозной жизни», а нацию полагает субъектом культуры, ее творцом «в лице своих отдельных представителей»; в свою очередь нация в этом очерке определяется как «особый дух и стиль видимо-

³ О понятии соборности и его связи с культурой у Степуна см.: [Загирняк, 2019].

го обличения вещей невидимых» [Степун, 2000с, с. 370]. Таким образом, Степун определяет нацию не этнографически, а духовно, то есть через ее культурную специфику, которую сводит по крайней мере в этом очерке «к качественным особенностям религиозных переживаний отдельных народов» [Степун, 2000с, с. 370]. Конкретно России такую культурную специфику придает православие [Степун, 2000с, с. 370], причем Степун подчеркивает его культурно-политическое значение для формирования русской нации, нежели сугубо религиозное. Предвосхищая вопрос о полиэтничности России и бытовании в ее пределах разных религий и разных христианских конфессий и одновременно признавая «принципиальную разноценность для России составляющих Россию народностей», Степун вводит еще один критерий культурной специфики, определяющей нацию: язык. Именно русский язык — тот язык, на котором «естественно писать» не только «Чехову, Бунину и Горькому», но и «Каролине Павловой (урожденной Яниш), Сейфуллиной и Минскому», что позволяет Степуну сделать вывод о русском народе как *основном народе* российского государства (почему-то он пишет именно о государстве, хотя весь контекст выстроен для обсуждения понятия нации) [Степун, 2000с, с. 375–376].

Для пояснения того, что Степун понимал под «своеобразно-соборным обликом» нации, можно привести его слова о нации, опубликованные в статье 1933 года из «Новоградского цикла» под свежим впечатлением от прихода Гитлера к власти: «Нация есть прежде всего *круговая порука и круговая ответственность*», поэтому «каждый ее член отвечает за ошибки и грехи других, как за свои собственные» [Степун, 2000а, с. 375–376].

В уже известной нам статье 1965 года Степун строго разводит понятия нации и национализма, пользуясь ярким сравнением Соловьева: «нация относится к национализму, как личность к эгоизму»⁴ [Степун, 2000d, с. 941; Кантор, 2010b, с. 41–45]. Этой же «пропорцией» из разряда «забытых истин» открывает Степун и свою более раннюю статью [Степун, 1925], вышедшую в газете «Дни» и публикуемую нами в приложении⁵. Здесь так же, как и позднее, в статье 1965 года, Степун связывает оба эти понятия с чувством любви («любовью к родине») и сразу же предостерегает от отождествления патриотизма (любви

⁴ Ср. высказывание об этом Соловьева в его «Открытом письме к И. С. Аксакову» (1884): «...самоотречение, как нравственный подвиг, всегда есть высшее проявление духовной силы и для отдельного лица, и для целого народа. Если личное самоотречение не есть отречение *от личности*, а есть отречение *лица* от своего эгоизма, то точно так же и национальное самоотречение не есть отречение *от национальности*, или народности, а есть отречение *народа*, или нации, от своего национального эгоизма, или национализма» [Соловьев, 1914, с. 47].

⁵ Эта статья на протяжении последующих ста лет ни разу, как нам удалось установить, не републиковалась. Ее анализ-пересказ имеется в кн.: [Hufen, 2001, S. 191–196].

к родине) и национализма, метко замечая, что патриотизм бывает без всякого национализма, а национализм, «пламене[ет] не столько любовью к родине, сколько к своему привилегированному положению в ней» [Степун, 1925, с. 2]. И далее Степун анализирует случаи «националистической деформации», сопряженные с национальным чувством: национализм представляет собой «некое искажение, некую ложную экзаменацию и воинственное заострение здоровой любви к родине» [Степун, 1925, с. 2]. Раскрывая, в чем именно заключается «искажение» и ложь национализма, Степун демонстрирует его связь с такими понятиями, как «морализм, эстетизм, эгоизм... и т. д.», где «-изм» «определенно указывает... на некое грешное возвеличение относительностей ценности до значения абсолютного начала» [Степун, 1925, с. 2].

В связи с этими размышлениями обращает на себя внимание то, что первыми двумя — морализмом и эстетизмом — Степун характеризует героя одного из своих очерков в цикле «Мысли о России». Речь идет о «черносотенном персонаже», или, как его иначе называет Степун, «предельном обывателе» из «Очерка IV», опубликованного в 1924 году, то есть этот очерк как бы предваряет тематику статьи о нации и национализме в газете «Дни». В очерке черносотенный персонаж предстает как «примиритель эстетических и этических устремлений»: в нем встречаются, дополняя друг друга, «ограниченность нравственного дарования» и «снобистически-цинический» культ «стильной вещи», предметом которого может служить и сам носитель этого культа [Степун, 2000b, с. 243–244], так что человек низводится таким персонажем до положения вещи. И хотя в очерке еще не звучат слова «эгоизм» и «национализм», но в газетной статье они логично дополняют ассоциативный ряд понятий и занимают свое законное место в указанном контексте.

В этом же ряду возможных и наличных в политической жизни русской эмиграции искажений национального чувства стоит упомянутый Степуном в статье 1925 года «шатовский национализм» [Степун, 1925, с. 5]. Надо сказать, что Шатов, один из центральных героев «Бесов» Достоевского, довольно часто появляется на страницах произведений Степуна. Возможно, впервые Степун написал о нем еще в России, в 1913 году: «Шатов в Бога не верует. Он верует в Россию, в ее православие, в тело Христово, верует, что пришествие свершится в России, верует, наконец, и в то, что он *будет веровать* в Бога... В сущности, Шатов не верует, а лишь верует, что он верует, т. е. верует не в Бога, а лишь в свою веру в него» [Степун, 2000f, с. 844]. В своей немецкой брошюре о Достоевском он указывает, что у Шатова есть идея — «идея религиозно обоснованного национализма. Шатов верит в “избранный” русский народ, в его призвание привести человечество ко Христу» [Stepun, 1950, S. 48–49]. Как указывает

В. К. Кантор, эту идею Иван Шатов привез «с Запада, выдумал ее там, как противовес неприемлемому для него западному образу жизни» [Кантор, 2010а, с. 286]. «Не ясно ли, что религия Шатова еще не христианство, а лишь религиозно окрашенный русский мессианизм?» [Степун, 2000g, с. 638] — вопрошает Степун в другой своей статье и поясняет, что «Шатов, душа которого — прирожденная христианка, почитает Божьим Телом не Тело Иисуса Христа, а тело русского народа», и потому «шатовщина все же ближе к языческому национализму германцев, и в особенности Гитлера, чем к православно-национальной историософии Достоевского» [Степун, 2000g, с. 638–689]. Степуну, знакомому с нацизмом не понаслышке, глубоко претил даже намек на «идею биологически обосновываемого национализма» [Степун, 2000а, с. 493].

По завершении интенсивной критики разного рода национализмов Степун и сам замечает, что обделил своего читателя позитивным определением «правильного... национального чувства. Но сущность этого чувства в любви» [Степун, 1925, с. 5]. От дальнейших рассуждений по этому вопросу Степун в статье 1925 года воздерживается, но немного расширяет свою характеристику этого чувства в статье 1965 года: «личность [а значит, и нация]... рождается в любви к некоему Ты... и крепнет в служении ему» [Степун, 2000d, с. 941]. Сам Степун в этом фрагменте ссылается на Вячеслава Иванова и его «Ты еси» [Иванова, 1979, с. 264], но нам слышится здесь отголосок всей традиции философии диалога, берущей свои истоки, не в последнюю очередь, в философиях Г. Когена и М. Бубера [Dmitrieva, 2020; Дворкин, 2020] и получившей к моменту написания этой статьи большую известность в мире. Через узнавание и признание «ты» со стороны «я», «ты» получает статус существующего, а через него и «я» утверждает себя в собственном существовании, собственной инаковости и в то же время неразрывной связи с «ты». Если считать эту нашу экспликацию отношения «я» и «ты» верной, то мы выходим на понимание того, что вкладывал Степун в свою концепцию национального чувства. Казалось бы, неочевидный тезис о том, что личность (=нация), рожденная в любви к «ты», не может быть эгоистичной, Степун в статье 1965 года поясняет словами Ф. М. Достоевского, которые повторяет на четырех страницах статьи дважды: «Быть русским значит быть всечеловеком» [Степун, 2000d, с. 941, 943].

Степун не идет дальше в своем анализе концептов нации и национализма, а обращается к их конкретно-историческому функционированию в культурном пространстве России и Европы. Он вполне разделяет «диагноз» славянофилов в отношении «все более стареющей» Европы: «утрата западно-европейской культурой начала духовной целостности» [Степун, 2000d, с. 943], но обосновывает его весьма неожиданными аргументами, явно позаимствован-

ными из знаменитого доклада М. Вебера «Наука как призвание и профессия» (1918). Степун воспринимает веберовский текст как своего рода психограмму стартовых условий современности, которые ко времени написания статьи проявились в полную силу: диктат «духа отвлеченной рационалистической науки» во всех европейских странах привел, по мнению русского мыслителя, к тому, что европейская культура стала жить, подобно науке, «последним ею сказанным словом» [Степун, 2000d, с. 942] (ср.: «всякое совершенное исполнение замысла в науке... по своему существу желает быть превзойденным» [Вебер, 1990, с. 712]), хотя — и в этом отличие духа науки «от духа искусства и религии», как полагал и Вебер, — «Данте не поколебал положение Гомера, как и Гете не поколебал положение Данте...» [Степун, 2000d, с. 942]. Степун, однако, диагностирует перенос на остальные сферы культуры характерных аспектов этоса современной науки (в частности, «строжайшая специализация» с ее требованием к ученому быть узким «специалистом» и только в таком качестве — «личностью» [Вебер, 1990, с. 708, 711]; редукция «смысла» науки к технике овладения жизнью и исключение из нее вопросов о смысле существования или ценности жизни как таковой [Вебер, 1990, с. 720]). Он сожалеет, что «деспотия последнего слова оказывает большое влияние... на стиль и дух всей современной жизни: из нее все заметнее и быстрее исчезают личности и в ней все быстрее и быстрее нарождаются специалисты. Этим ученым специалистам мы обязаны всеми внешними усовершенствованиями нашей жизни⁶, но и исчезновением из нее личности и всеобещающих целостных постижений, без которых мы и в научном свете двигаемся, как впотьмах» [Степун, 2000d, с. 942].

Вернемся, однако, к вопросу о национализме, а точнее — о русском национализме в его постановке Степуном. Некоторое отступление в сторону нам было необходимо для того, чтобы понять, в чем именно видел Степун «закат» Европы и почему критика в ее адрес ни у него, ни у близких ему по духу мыслителей, от Соловьева до Бердяева или Федотова, «никогда не превращалась в заносчивое отрицание Запада» [Степун, 2000d, с. 943]. Убежденный в том, что «корни европейской культуры таятся в христианстве с его двумя Ветхими Заветами: еврейским и античным» [Степун, 2000d, с. 942], Степун надеялся, что русские эмигранты, будучи людьми «живой, творческой веры», смогут помочь Европе вернуться к ее истокам, потому что «подлинное христианство по духу... сверхнационально» [Степун, 2000с, с. 376].

В заключение можно утверждать, что наднациональный смысл «русского европеизма» замешан на глубоком национальном чувстве, которым обладает

⁶ Ср: [Вебер, 1990, с. 328–329].

«носитель высшей русской культурной мысли, (...) ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей» [Кантор, 2001, с. 6]. Сто лет назад зазвучавшая у русского европейца Федора Степуна национальная тема применительно к России была со всей ее «фонетической чистотой и нравственной серьезностью» подхвачена Владимиром Кантором, которого по праву можно назвать хранителем высших смыслов русской культуры, многие творческие годы настойчиво возвращающим их в российский актуалитет.

Забывшие истины. (О нации и национализме)⁷

I.

Еще Шопенгауэр утверждал, что печальная судьба всякой истины заключается в том, что, появляясь на свет в форме парадокса, она покидает его в форме тривиальности⁸. В известном смысле великий пессимист был прав. Для бессмертной истины осуществление в жизни является, конечно, своеобразною формою смерти. Но как все в жизни, так и правильное ощущение Шопенгауэра имеет и свою обратную сторону; превращение парадокса в тривиальность, в не требующую доказательства, *обжитую* очевидность есть не только печальный акт снижения истины, но и акт возвышения жизни.

Если бы все те истины, которыми мы бессознательно живем изо дня в день, вдруг предстали перед нами теми парадоксами, какими они впервые вошли в управление миром, — наша жизнь немедленно превратилась бы в сплошную ложь. Как ни скорбно с точки зрения истории идей превращение парадоксов в тривиальности, — с точки зрения жизни вдвое страшнее обратное: превращение тривиальностей снова в парадоксы.

Казалось бы, что после той, совершенно исключительной по своему блеску, защиты национального лица России от посягательств славянофильского национализма, которой Владимир Соловьев принес в жертву не одну, оставшуюся ненаписанной, главу своей философской системы, снова подымать старый вопрос о взаимоотношении понятий нации и национализма, вещь излишняя и никому ненужная. Казалось бы, что начертанная Соловьевым пропорция: нация относится к национализму, как лицо к эгоизму, и его (связанное с нею) определение национализма как *национального эгоизма*⁹ должны были бы быть известны и памятливы всем тем, что ныне снова защищают идею

⁷ Публикуется по изданию: [Степун, 1925]. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Публикация и примечания Н. А. Дмитриевой и Ю. Штольценберга.

⁸ См.: [Шопенгауэр, 1993, с. 130; Степун, 2000, с. 235].

⁹ См.: [Соловьев, 1914, с. 47; Степун, 2000b, с. 941].

национализма как главную ось будущей русской культуры. Нельзя же в самом деле проповедовать религиозно-культурный легитимизм¹⁰ и беззаботно и беспамятно проходить мимо явлений такого значения, как пройденный Соловьевым творческий и жизненный путь.

Казалось бы нельзя... но вот проходят, пробегают, и пробегают с удивительной самонадеянностью. На все лады взывают ныне многие (не слишком ли многие!) к национализму, делая вид, что они проповедуют всего только такие прекрасные и бесспорные истины, как любовь к родине и освобождение ее.

Всякую терминологию можно, конечно, индивидуализировать, но насиловать (по крайней мере безнаказанно) ее нельзя. Любовь к родине, ощущения своей духовной, культурной и бытовой погруженности в национальную стихию — есть нечто совсем иное, чем национализм. Возможен патриотизм, лишенный всякого национализма, и обратно: национализм, пламенеющий не столько любовью к родине, сколько к своему привилегированному положению в ней. Я очень хорошо чувствую, что пишу невероятные тривиальности, но что делать, если идея антинационалистического патриотизма ныне уже снова представляется каким-то бессмысленным парадоксом, логически порочным *contradictio in adjecto*¹¹?

Спор о словах почти никогда не бывает только спором о словах. За внешним разноречием, в конце концов, всегда таится внутреннее разногласие. Слова совсем не ярлыки, которые можно наклеивать на любые вещи; они сами вещи, весьма определенные духовные реальности. У каждого слова за спиной своя история, своя судьба; все они излучают определенный мир эмоции и ассоциации. Но мало того: многие слова живут в стихии языка не одиночками, а стаями, гнездами, в определенной связи с другими, им близкими и с ними связанными. Так органически связаны между собою такие привычные уху термины, как морализм, эстетизм, эгоизм, национализм, и т. д. Во всех них окончание *изм* определенно указывает на вредное заострение некой правды и подлинности, на некое грешное возвеличение относительностей ценности до значения абсолютного начала.

Безусловное значение морали — вне всяких сомнений, но морализм, к которому так легко и привычно присоединяется термин «узкий», представляет собою уже нечто иное, не только положительное, но и преизбыточность морального чувства и отрицательное: какую-то чрезмерность, неправомерный захват им неподвластных морали областей жизни. С морализмом мы легко и

¹⁰ В газетном наборе ошибка: «лигитизм». Слово восстановлено по смыслу.

¹¹ Противоречие в определении (*лат.*).

привычно связываем представление о тенденциозности в искусстве, о мертвом педагогизме в жизни, о принципиальном бессердечии и даже ханжестве.

Аналогично обстоит дело и с эстетизмом. Сущность эстетизма совсем не в любви к искусству, а в отрицании всего, кроме искусства. Искусство само по себе отнюдь не враждебно ни Богу, ни нравственности, ни политике: но эстетизм всему этому определенно враждебен. Характерно, что большие художники всегда были чужды всякому эстетизму; эстетствовали лишь такие определенно неполновесные таланты, как Уайльд, Д'Анунцио, Альтенберг, Северянин и др.

В слове «национализм» окончание «изм», звучит еще гораздо ядовитее, чем в приведенных примерах. Национализм отнюдь не означает простой, крепкой любви к родине... Под словом «национализм» мы определенно понимаем некое искажение, некую ложную экзаменацию и воинственное заострение здоровой любви к родине. Для националистически окрашенного патриотизма глубоко характерно или принижение понятия родины до какой-нибудь определенной социально-политической формы ее бытия, или, наоборот, утверждение его превыше всего остального, превыше добра и даже... Бога.

Запретить употреблять термин «национализм» в другом смысле, запретить подразумевать под ним всего только любовь к родине и к соотечественникам, никому, конечно, нельзя, но и отделаться от неприятного впечатления, что такое толкование национализма не только *лингвистическая бестактность*, но и определенная *политическая тактика*, тоже весьма трудно.

Парадоксальное употребление привычных уху и обжитых в языке слов в конце концов всегда насилие над их смыслами, над их душами. А от насилия над душами слов недалеко и до насилия над человеческими душами.

II.

Две любви бессмертны в душе человека. Первая — эта любовь к своей земле, к своему дому, к своему порогу, к своей родине. Вторая любовь — это любовь к чужому небу, к вольной дали, к пути-дороге, к чужбине. При всей противоположности обеих любвей они как все противоположности тесно связаны друг с другом. Только из родного угла может сердце последней тоской вдруг встосковать о дали; и только в скитаниях обретаем мы дом. Сложная диалектика этих чувств бесконечно усложнена сейчас в душах русских людей. *Обе любви слиты в нас в одну неделимую*. Россия всем нам сейчас и дом, и дальний порог, и дорога, мы чувствуем ее и как родину на чужбине, и как чужбину на родине, и любим ее потому тою новою, страстною, тоскующею любовью, в которой спасем, быть может, не только наши скитания души, но и ее — Россию.

Бытие и любовь связаны между собой глубочайшею метафизической связью: только тем и держится мир, что он любим Богом, и только потому дьявол и есть небытие, что он при всех своих соблазнах никем не может быть любим.

Сейчас на Россию направлены самые темные силы мира; их воля — опрокинуть Россию в небытие; они уничтожили ее имя; они борются с ее сокровенною духовною сущностью — с ее церковью и культурой; они насильственно перечеркивают и перекраивают пластический образ ее душевной и бытовой жизни.

В таких условиях любовь к России перестает быть *только нашим естественным чувством*, нашим неоспоримым правом, лирикой нашей души, она превращается в наш *нравственный долг*, в *метафизическую функцию спасения духовного лица и бытия России* от большевицкой воли к ее небытию.

Но кроме этой верховной задачи перед русским национальным сознанием стоят, или во всяком случае завтра же встанут и другие, быть может, менее значительные, но зато и более конкретные задачи.

Направленная на свержение «старого режима» творческая воля русской революции, естественно, не могла быть к нему абсолютно справедлива. Правильно чувствуя, что Россия давно переросла царский режим, революционная воля, быть может, недостаточно чувствовала ту историческую даль, из которой он вырос. Справедливо борясь против «помещичьего феодализма», она часто несправедливо забывала, что с помещичьим феодализмом как-то связана и русская культура: помещичья философия и помещичья литература. Тысячу раз правая в своей защите «социальных низов» и «национальных меньшинств», она все же явно недооценивала страшной, с первых же месяцев революции обнаружившейся трудности соединения этого равнения на «низы» и «меньшинства» с ревностным служением тому российскому великодержавию, в котором, очевидно, заключался исторический смысл миновавшей эпохи.

Насколько эта несправедливость на пути к революционной победе была неизбежна, а потому в известном смысле и права, настолько же она сейчас, после того как революция достигла своей цели, и излишня, и недопустима, и вредна. Долгие годы вся оппозиционная Россия только и жила ожиданием смены политической формы правления; теперь эта смена произошла, и наше внимание естественно направляется на то *вечное содержание: Россия*, при котором она происходила. Социально-политический интерес невольно заменяется *национальным*.

Многие ныне отчетливо сознают, что политическая революция в своем безудерже смела на своем пути много таких духовных и культурных ценно-

стей, на которые она *никогда не посягала*; и многие чувствуют, что социально-политическая революция сможет оставаться правдой или, вернее, снова стать таковой только в том случае, если она в ближайшее же время *осложнится национально-культурною контрреволюцией*. Обострение и повышение национального чувства право таким образом не только перед лицом большевицкого безумия, но и [...] ¹² [на]ции.

Но оно право еще и иначе; не только своею историческою правдой, но и своею непосредственной понятностью. Как здоровые, мы не чувствуем своего здоровья и счастливые — своего счастья, так, живущие благоустроенною национальною жизнью, не чувствуем мы и родины.

Сейчас эта жизнь разбита. Родина как внешняя жизнь, *как быт* у всех у нас отнята, но тем самым только глубже дана нам как наше *внутреннее бытие*. Скрытая от наших глаз как явление пространственной трехмерности, загнанная в два измерения души и как бы непомещающаяся в них, она разрывает душу безмерной тоской и, утверждаясь в ней образом вечности, обретает некую религиозную санкцию.

В свете этой тоски образ отошедшей России невольно перелицовывается на бело. Страдания, которые она приняла, создают вокруг нее ореол мученичества. Ее недостатки и даже тяжкие преступления ступшеваются в памяти. Пластический рельеф ее быта приобретает магическую власть над душой; и во всех этих чувствах есть большая внутренняя правда.

Пусть социологически тысячу раз верно, как это часто подчеркивалось в республиканско-демократической прессе, что структура большевицкого строя имеет много общего с самодержавием, но всякой национально настроенной душе сейчас, естественно, глубоко неприятны эти параллели; не время как-то говорить о сходстве двух братьев, из которых один качается на виселице, а другой пляшет под ней.

Пусть верно и то, что на помещичьем классе лежит не только ответственность, но и тяжелая вина перед Россией, но сейчас, когда только что отпыхали усадьбы и невредимыми вышли из огня только написанные Тургеневым и Толстым, больно и неприятно читать о «черносотенных преступниках» и «помещичьих зубрах». И т. д. и т. д.

Пока *сила* все еще в руках *третьего интернационала*, та правда, которая сильнее всякой силы, *не может не быть окрашенной в определенные национальные тона*.

¹² Здесь типографская ошибка: утрачены несколько слов, вместо которых повторно дается строка «перед лицом большевицкого безумия, но и».

Каким-то своеобразным бытовым реставраторством заражены сейчас даже многие стоящие на советской службе интеллигенты, вчерашние безбытники. Слышно, что они весьма гордятся, что всюду по старым планам ремонтируются *старинные здания*, что они на последние деньги покупают гарднеровский и поповский фарфор и, выезжая иной раз по знакомству в какой-нибудь совхоз, дают громадные «на чай», чтобы соблазнить застрявшего на старом месте кучера, покруче собрать пристяжных на галопе.

Что, снявши голову, по волосам не плачут, верно только в порядке рационально-императивном, в порядке же иррациональном, сердечном, верно как раз обратное: все мы, снявши голову, сейчас горько плачем по волосам, и глумиться над этими слезами никому не приходится.

Я знаю, что, дав определение национализма, я *не определил* природы национального эроса, правильного и правого национального чувства. Но сущность этого чувства в любви. Любовь же, все определяя собой, сама неопределима.

Не надо быть особенно внимательным наблюдателем нашей эмигрантской жизни, чтобы ясно видеть все те препятствия, которые предстоит преодолеть подлинно национально настроенной России, чтобы не скатиться в бездну антинационального национализма.

Очень близки к этому скату все те, что, не владея столь неизбежным в наше сложное время искусством углубленного самоанализа, наивно и некритично переливают свои воспоминания о прошлом в мечты о будущем, чем сразу убивают как бессмертную правду прошлого, так и нарождающуюся правду будущего. Сколько бы ни утверждали эти лирики от политики, собирающиеся по памяти реставрировать Россию и любящие называть себя «*активными националистами*», что они только и мечтают послужить делу возрождения России, они служат как раз обратному.

У всей России есть сейчас, в сущности, только одно дело: свержение той анти-России, которая господствует в Кремле. Это свержение требует прежде всего объединения всех русских сил, или иначе, *примирения* всех России; и прежде всего двух главных: дореволюционной (монархической) и пореволюционной (демократической). После всех тех искупительных страданий, что выпали на долю дореволюционной России, примирение с нею легко: злобствовать о ее грехах сейчас позорно, помнить же о том положительном, что было все же с нею связано — обязательно. Но, конечно, примирение с дореволюционной Россией возможно только, как с *покоящейся в усыпальнице истории*. Ее относительная правда обнаружилась ведь только через ее смерть; вместе с ее возрождением не сможет не *возродиться и та ложь, которая привела ее к гибели*.

Примирение с этой ложью для всей пореволюционной России *невозможно*: оно было бы для нее равносильно отмене своего собственного бытия. А так как в этом примирении наша главная национальная задача, то ясно, что национализм сейчас определенно антинационален, национально вреден.

Не надо, однако, думать, что националистическое принижение понятия России до монархической формы ее социально-политического бытия овладевает ныне душами исключительно только на путях примирительного реставраторства. Как это на первый взгляд ни странно, как ни парадоксально, но внимательному взору совершенно ясно, что националистическим заострением национальных чувств питается ныне не только борьба с большевизмом, но и *примирение с ним*. Не только идеологи сменовеховства (и прежде всего Устрялов), но в последнее время быть может и некоторые теоретики евразийства явно склоняются в сторону большевизма ради его великодержавного, империалистического пафоса. Крайне интересно и то, что, обретя в православии ту единственную идею, которую национальная Россия может противопоставить коммунизму, евразийцы обнаруживают весьма опасную склонность считать русского татарина-мусульманина в каком-то смысле лучшим христианином, чем западно-европейского католика. Повышая национальное до революционного, они снижают таким образом религиозное до простого атрибута национального, впадая тем самым в порочный круг шатовского¹³ национализма.

Все эти лишь бегло намеченные мною националистические деформации представляют собою весьма серьезную опасность для национального возрождения России. Ввиду той силы, с которой в ближайшее время безусловно зазвучит, должна зазвучать национальная тема в России, не может быть более существенной задачи, как напряженно следить за фонетической чистотой и нравственной серьезностью ее звука.

Ф. Степун

Список источников

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Герцен А. И. Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie; О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Т. 7. С. 5–263.

¹³ Здесь типографский брак, затрудняющий прочтение. Слово реконструировано из общего дискурса межвоенных работ Степуна [Stepun, 1938/1939, S. 487; Люкс, 2018, с. 295; ср.: Кантор, 2013, с. 61–62] и примерного количества и образа букв.

Дворкин И. С. Место идей Германа Когена в философии диалога // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 4. С. 62–94.

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 512 с.

Загирняк М. Ю. Специфика обоснования социальных феноменов в философии культуры Фёдора Степуна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 85–92.

Иванов В. И. Ты еси // Иванов В. И. Собрание сочинений в 4-х т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, с введением и примеч. О. Дешарг. Брюссель: Fooyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. С. 262–268.

Кантор В. К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: Очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010а. 422 с.

Кантор В. К. Владимир Соловьёв о соблазне национализма // Соловьёвские исследования. 2010b. № 4 (28). С. 35–47.

Кантор В. К. Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры. Очерки. М.: Научно-политическая книга, 2013. 654 с.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 704 с.

Кантор В. К. Ф. А. Степун: русский философ в эпоху безумия Разума // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 3–33.

Люкс Л. Деятельность Федора Степуна в немецкой эмиграции на примере его статей в журнале «Хохланд» (1924–1940 годы) // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 2. С. 284–298.

Соловьёв В. С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. и с примеч. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоизд. Т-во «Просвещение», 1914. Т. 5: (1883–1892). С. 3–156.

Степун Ф. А. Германия «проснулась» // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000а. С. 482–495.

Степун Ф. Забытые истины. (О нации и национализме) // Дни (Париж). 1925. № 806, 20 сентября. С. 2, 5.

Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк IV // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000b. С. 234–257.

Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк X // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000с. С. 352–376.

Степун Ф. А. Нация и национализм // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000d. С. 940–944.

Степун Ф. А. Немецкий романтизм и русское славянофильство // Степун Ф. А. Сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000e. С. 38–57.

Степун Ф. А. О «Бесах» Достоевского и письмах Максима Горького // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000f. С. 837–848.

Степун Ф. А. О «Бесах» и большевистская революция // Степун Ф. А. Сочинения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000g. С. 627–640.

Степун Ф. А. Чаемая Россия / сост. и авт. послесл. А. А. Ермичев; ред. В. Н. Немнонова. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. 475 с.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1 // Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии: Пер. с нем. / Ин-т философии. М.: Наука, 1993. С. 125–502.

Штаммлер А. Ф. А. Степун // Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В. К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 732–742.

Dmitrieva N. A. Hermann Cohen's Ethical Ideas in the Works of Boris Pasternak // Russian Studies in Philosophy. 2020. Vol. 58, no. 4. P. 279–291.

Hufen Ch. Fedor Stepun: ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa; die Jahre 1884–1945. Berlin: Lukas-Verl., 2001.

Stepun F. Die Kirche der Selbstmörder // Hochland. 1938/1939. Jg. 36, H. 1. S. 472–488.

Stepun F. Dostojewskij. Weltanschauung und Weltanschauung. Heidelberg: Carl Pfeffer Verlag und Heidelberger Gutenberg-Druckerei, 1950.

Struve G. [Rev.:] Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. By Robert C. Williams // Slavic Review. 1973. Vol. 32, № 1. P. 208–209.

References

Weber, M. (1990) “Nauka kak prizvanie i professija” [“Science as a Vocation and Profession”], in Weber, M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Ed. and afterword by Y. N. Davydov; foreword by P. P. Gaidenko. Moscow: Progress, pp. 707–735.

Herzen, A. I. (1956) “Du Développement des Idées Révolutionnaires en Russie; O razvitii revoljucionnyh idej v Rossii” [“On the Development of Revolutionary Ideas in Russia”], in Herzen, A. I. *Sobranie sochinenij v 30 tomakh. Tom 7* [Collected Works in 30 vols. Vol. 7]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 5–263.

Dvorkin, I. (2020) “The Place of Hermann Cohen’s Ideas in the Philosophy of Dialogue,” *Kantian Journal*, 39(4), pp. 62–94.

Dmitrieva, N. A. (2007) *Russkoe neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: ‘Marburg’ in Russia. Historical and philosophical essays]. Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN).

Zagirnyak, M. Ju. (2019) “Specifika obosnovanija social’nyh fenomenov v filosofii kul’tury Fjodora Stepuna” [“The Specificity of the Substantiation of Social Phenomena in Fyodor Stepun’s Philosophy of Culture”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 52, pp. 85–92.

Ivanov, V. I. (1979b) “Ty esi” [“You are”], in Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 3* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 3]. Bryussel’: Foyer Oriental Chrétien, pp. 262–268.

Kantor, V. K. (2010a) “Sudit’ Bozh’ju tvar’”. *Prorocheskij pafos Dostoevskogo: Oчерki* [“To Judge God’s Creature.” Dostoevsky’s Prophetic Pathos: Essays], Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN).

Kantor, V. K. (2010b) “Vladimir Solov’jov o soblazne nacionalizma” [“Vladimir Solovyov on the Lure of Nationalism”], *Solov’jovskie issledovanija* [Solovyov Studies], 4(28), pp. 35–47.

Kantor, V. K. (2013) *Ljubov’ k dvojniku. Mif i real’nost’ russkoj kul’tury. Oчерki* [Love for the Double. Myth and Reality of Russian Culture. Essays]. Moscow: Nauchno-politicheskaja kniga.

Kantor, V. K. (2001) *Russkij evropec kak javlenie kul’tury (filosofsko-istoricheskij analiz)* [Russian European as a Cultural Phenomenon (philosophical and historical analysis)]. Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN).

Kantor, V. K. (2000) “F. A. Stepun: russkij filosof v jepohu bezumija Razuma” [F. A. Stepun: Russian Philosopher in the Age of the Madness of Reason], in Stepun, F. A. *Sochinenija* [Essays]. Moscow: “Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 3–33.

Luks, L. (2018) “Dejatel’nost’ Fedora Stepuna v nemeckoj jemigracii na primere ego statej v zhurnale “Hohland” (1924–1940 gody) [Fedor Stepun’s Work in the German Emigration, as Exemplified by His Articles in the “Hochland” Magazine (1924–1940)], *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 17 (2), pp. 284–298.

Solovyov, V. S. (1914) “Nacional’nyj vopros v Rossii. Vyp. 1” [“National Question in Russia. Iss. 1”], in *Sobranie sochinenij Vladimira Sergeevicha Solov’eva. Tom 5 (1883–1892)* [Collected Works of Vladimir Sergejevich Soloviev. Vol. 5 (1883–1892)]. Ed. and with notes by S. M. Soloviev and E. L. Radlov. 2nd ed. St. Petersburg: Enlightenment, pp. 3–156.

Stepun, F. A. (2000a) “Germanija ‘prosnulas’” [“Germany Has ‘Woken Up’”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 482–495.

Stepun, F. (1925) “Zabytye istiny. (O nacii i nacionalizme)” [“Forgotten Truths. (On Nation and Nationalism)”], *Dni [Days]*, 806, Paris, 20 September, pp. 2, 5.

Stepun, F. A. (2000b) “Mysli o Rossii. Očerok IV” [“Thoughts on Russia. Essay IV”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 234–257.

Stepun, F. A. (2000c) “Mysli o Rossii. Očerok X” [“Thoughts on Russia. Essay X”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 352–376.

Stepun, F. A. (2000d) “Nacija i nacionalizm” [“Nation and Nationalism”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 940–944.

Stepun, F. A. (2000e) “Nemeckij romantizm i russkoe slavjanofil’stvo” [“German Romanticism and Russian Slavophilism”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 38–57.

Stepun, F. A. (2000f) “O ‘Besah’ Dostoevskogo i pis’mah Maksima Gor’kogo” [“On Dostoevsky’s ‘Demons’ and Maxim Gorky’s Letters”], in Stepun, F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 837–848.

Stepun, F. A. (2000g) “O ‘Besah’ i bol’shevistskaja revoljucija” [“About ‘Demons’ and the Bolshevik Revolution”], in Stepun F. A. *Sochinenija [Essays]*. Moscow: “Rossijskaja političeskaja jenciklopedija” (ROSSPJeN), pp. 627–640.

Stepun, F. A. (1999) *Chaemaja Rossija [Anticipated Russia]*. Ed. by A. A. Ermichev; V. N. Nemnonova. St. Petersburg: Russkij Hristianskij gumanitarnyj institut.

Schopenhauer, A. (1993) “Mir kak volja i predstavlenie. Tom 1” [“The World as Will and Representation. Vol. 1”], in Schopenhauer, A. *O četverojakom korne... Mir kak volja i predstavlenie. Tom 1. Kritika kantovskoj filosofii [On the Fourfold Root... The World as Will and Representation. Vol. 1. Critique of Kantian Philosophy]*. Moscow: Nauka, pp. 125–502.

Stammler, A. (2017) “F. A. Stepun”, in Stepun, F. A. *Bol’shevizm i hristianskaja jekzistencija. Izbrannye sochinenija [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]*. Ed. by V. K. Kantor. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, pp. 732–742.

Dmitrieva, N. A. (2020) “Hermann Cohen’s Ethical Ideas in the Works of Boris Pasternak,” *Russian Studies in Philosophy*, 58(4), pp. 279–291.

Hufen, Ch. (2001) *Fedor Stepun: ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa; die Jahre 1884–1945*. Berlin: Lukas-Verl.

Stepun, F. (1938/1939) “Die Kirche der Selbstmörder”, *Hochland*, 36(1), pp. 472–488.

Stepun, F. (1950) *Dostojewskij. Weltschau und Weltanschauung*. Heidelberg: Carl Pfeffer Verlag und Heidelberger Gutenberg-Druckerei.

Struve, G. (1973) “[Rev.:] Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. By Robert C. Williams,” *Slavic Review*, 32(1), pp. 208–209.

Информация об авторах:

Нина Анатольевна Дмитриева — доктор философских наук, иностранный член-корреспондент Австрийской академии наук, Вена, Австрия; научный директор Академии Кантианы Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград, Россия. Адрес: Россия, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия. Адрес: Россия, 119435, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1.

Юрген Штольценберг — доктор философии, профессор, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Галле (Зале); член-корреспондент Гёттингенской академии наук, председатель межакадемического координационного комитета «Leibniz-Edition», Германия. Адрес: Германия, 06108, Галле (Зале), Эмиль-Абдерхальденштрассе, д. 26–27.

Information about the authors:

Nina A. Dmitrieva — DSc in Philosophy, Corresponding Member Abroad of the Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria; Research Director of the Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia. Address: 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; Professor of Philosophy at the Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia. Address: 1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russian Federation.

Jürgen Stolzenberg — DSc, Professor of Philosophy, Martin Luther University Halle-Wittenberg (MLU), Halle (Saale); Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Chairman of the Interacademic Leadership Commission “Leibniz-Edition”, Germany. Address: Emil-Abderhalden-st. 26–27, 06108 Halle (Saale), Germany.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.03.2025;
принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 22.02.2025;
approved after reviewing 01.03.2025;
accepted for publication 10.03.2025.